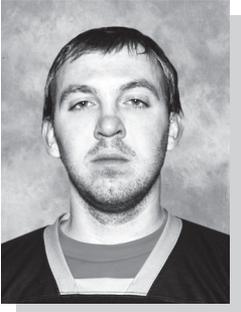

УДК 323

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Хмелинин Алексей Алексеевич,

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н.Ельцина,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: xalexan@inbox.ru

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических наук,
профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье современный неолиберализм рассматривается как мобильная политическая доктрина и адаптивная стратегия. Авторы выдвигают гипотезу о гибридном характере идеологии современного российского неолиберализма.

Ключевые слова:

Неолиберализм, идеологическая мобильность, стратегия мобильности, гибридность, социальная справедливость.

Современный неолиберализм – комплексное идейно-политическое явление. Это и идеология как концептуальный базис политико-философской доктрины, и политическая стратегия, и непосредственная политическая практика. Одним из направлений современных исследований является критическое восприятие неолиберальной политической доктрины, последствий неолиберальных реформ.

Российское общество за последние двадцать лет находится в состоянии перманентного

реформирования, в основе которого лежат политические идеи и стратегии неолиберального толка. Данный процесс неоднократно подвергался критическому анализу со стороны большой группы ученых. Уже к середине 90-х годов среди отечественных и западных специалистов стало утверждаться мнение о провале неолиберальных реформ в России. Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц отмечал: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождае-

мый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [2, с. 45].

По мнению С. Кара-Мурзы, сегодня в России налицо кризис всего «неолиберального капитализма», который зародился в финансовой области в реальном секторе экономики и перебрался на социальную сферу. И он обязательно затрагивает политическую систему, структуру ценностей, идеологию [1].

По мере своей адаптации к российской политической жизни неолиберальная доктрина претерпевает определенные изменения, вбирая в себя политико-стратегические установки иных идеологий. В итоге, российский неолиберализм стал превращаться в некое гибридное образование, представляющее собой оригинальный политический проект, в основе которого, на наш взгляд, лежит стратегия идеологической мобильности.

Если говорить кратко, стратегия неолиберальной идеологической мобильности состоит в том, чтобы в зависимости от политической конъюнктуры, прежде всего, связанной с повышением гражданской активности, оснащать свою риторику дискурсом демократического и социетального характера, то есть категориями социальной ответственности власти и бизнеса, сопротивления коррупции, идеями социальной справедливости и расширения политических и гражданских прав.

Стратегия неолиберализма, будучи мобильной политической доктриной, умело приспособляющейся к актуальным политическим трендам, не отказываясь при этом от своих идейных корней, сформулированных когда-то в виде международной концептуальной модели под названием «Вашингтонский консенсус».

Неолиберальная модель в виде Вашингтонского консенсуса основана на принципах вмешательства «развитых» государств в экономические и политические процессы, протекающие в государствах «неразвитых», помогая им завершить переход к новому этапу глобального мирового развития. Данная модель также называется моделью рыночного фундаментализма.

Изначальной целью Вашингтонского консенсуса как международного проекта политико-экономических реформ была попытка создания динамично развивающегося частного сектора и стимулирования экономического роста. Выражение «Вашингтонский консенсус» вскоре после своего появления приобрело политический оттенок – для одних как символ победы в «холодной войне», для других – как навязываемая США политика «минималистского государства» и монетаризма.

Вашингтонский консенсус, будучи инструментом экономических реформ, по сути, стал мощным катализатором политической мобильности, направленной в сторону интенсивного (скоростного) развития рыночных механизмов. Именно на его базисе такой политический агент как США, с различной степенью успешности, имел возможность реализовать в уже суверенных республиках унифицированную стратегию «шоковой терапии».

Стратегия неолиберальной мобильности или «стратегия перехода» к рыночным отношениям включает три направления политики: стабилизация, либерализация и приватизация государственных предприятий. Политика стабилизации в России на практике привела к выстраиванию «вертикали власти» и господству в экономике корпораций «естественных» монополий. Политика либерализации и приватизации обернулась коммерциализацией здравоохранения, образования, культуры и науки.

В основе неолиберальной концепции мобильности лежит идея эффективного реформистского менеджмента, непосредственно направленного на максимальное освобождение активов предприятий от некоммерческого балласта. Данная концепция получила свою практическую реализацию в недавно проведенной в режиме блицкрига реформе Российской академии наук. Та скорость, с которой в Государственную Думу вносился правительственный проект данной реформы, а также вопиющий факт полного игнорирования позиции научной общественности, которая резко критически отнеслась к реформе РАН, являются яркими свидетельствами последовательного

проведения в жизнь неолиберального проекта перестройки российской действительности.

На очереди – неолиберальное реформирование российской системы пенсионного обеспечения и системы налогообложения собственности. Уже сегодня граждане начинают испытывать давление предъявляемых к ним требований *мобильной оборотистости* в сфере финансового обеспечения собственной старости и сокращения рисков в области уплаты налогов на недвижимость.

Вместе с тем, несмотря на негативные эффекты экономической и социальной политики неолиберальной мобильности, дискурс стабильности, распространяемый неолиберальной риторикой, продолжает оказывать существенное воздействие на массовое общественное сознание. Находясь под влиянием государственно-ангажированной медийно-сконструированной модели экономического благополучия нынешней российской жизни, большинство граждан страны продолжают демонстрировать свое доверие неолиберальной элите, то есть, ставленникам Кремля, голосуя за них в ходе избирательных кампаний.

Немаловажную роль в плане легитимизации неолиберального политического курса в условиях России играет такой аспект мобильности неолиберального дискурса как прямое заимствование из идеологической базы социал-демократии риторики социальной справедливости. В выступлениях президента России, членов российского кабинета министров, депутатов от правящей партии, нынешнего председателя Счетной палаты тема социальной справедливости звучит постоянно. В этой связи можно сделать вывод о *гибридной природе российского неолиберализма*, соединяющего в себе политику рыночного фундаментализма с риторикой социал-демократизма.

Однако, не смотря на заявления об отстаивании социальной справедливости, движение в направлении коммерциализации социальной сферы и поддержки рыночной монополии крупных корпораций продолжает набирать свои обороты. Это закономерно приводит к концентрации капитала в руках небольшой группы

лиц, с одной стороны, и размыванию среднего класса, – с другой. Как следствие – увеличение разрыва в доходах между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными гражданами страны. В настоящее время в большинстве регионов России данный разрыв превышает соотношение 1:30, что превышает нормативные рамки социального государства.

Важно отметить, что вопрос о социальном благополучии российского общества как прямом следствии проводимого правительственными кругами неолиберального курса, не получил широкого протестного отклика среди граждан страны. Вопрос о неолиберальной подоплеке социальной несправедливости был на практике подменен вопросом о мигрантах и выходцах с Кавказа, которые не уважают местных порядков.

Общественности была предложена такая повестка дня, которая, по сути, маскировала причастность неолиберализма к усилению миграционной мобильности, связанной с перераспределением доходов в пользу монополистов на рынке труда и порождающей коррумпированные схемы в области миграционной политики.

В результате анализа мобильного характера российского неолиберализма, выраженного в способности к адаптации к конкретным политическим реалиям и тенденциям времени, мы приходим к выводу о том, что в настоящее время наблюдается активизация процесса включения в неолиберальный дискурс не только социал-демократической риторики, но также риторики державного толка. Об этом свидетельствуют и реанимированные поиски национальной идеи для России, и проекты концептуально-единого учебника по истории страны для средней школы, и создание научных рот, и политика формирования патриотизма средствами культуры, в особенности – кинематографа и телевизионных сериалов.

Подводя некоторые итоги сказанному, отметим, что одной из базовых черт российской модели неолиберальной мобильности является ее внутренняя противоречивость. С одной стороны, проводимые в рамках неолибераль-

ной стратегии реформы, были направлены на разрешение назревших проблем перехода к рыночным отношениям (монетизация льгот, реформа ЖКХ, пенсионная и бюджетная реформы), с другой стороны – реализация всех направлений реформирования привела к перераспределению собственности в руках олигархических групп, к ускоренной и поспешной коммерциализации социальной сферы, и в итоге – к резкому росту социального неравенства, маскируемого социал-демократической и державной риторикой.

1. Батчиков С., Кара-Мурза С. 8-я Международная конференция «Глобализация и развитие» в Гаване (Куба) [Электронный ресурс] / С. Братчиков, С. Кара-Мурза. URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html>.

2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. [Текст] / Дж. Стиглиц. М.: Мысль. 2003.

1. Batchikov S., Kara-Murza S. 8-ya Mezhdunarodnaya konferenciya «Globalizaciya i razvitie» v Gavane (Kuba) [E'lektronnyj resurs] / S. Bratchikov, S. Kara-Murza. URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html>.

2. Stiglic Dzh. Globalizaciya: trevozhnye tendencii. [Tekst] / Dzh. Stiglic. M.: Mysl'. 2003.

UDC 323

IDEOLOGICAL MOBILITY OF CONTEMPORARY NEOLIBERALISM: METHODOLOGICAL ANALYSIS

Khmelinin Aleksey Alekseevich,

Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
Head of philosophy division,
Doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

The article examines the contemporary neoliberalism as a mobile political doctrine and adoptive strategy. The authors put forth the conjecture about the hybrid nature of the ideology of Russian contemporary neoliberalism.

Key words:

Neoliberalism, ideological mobility, the strategy of mobility, hybridity, social justice.